

Коробкова Наталья Александровна, к.э.н., доцент, Частное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте» филиал в городе Пенза

ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация: В статье представлен анализ воздействия введенных ограничений из-за коронавирусной инфекции на рынок труда. События 2020-2021 года привели к существенным изменениям в мировой экономике, в том числе произошли серьезные изменения на рынке труда. Введенные ограничения и требования к дистанцированию населения привели к росту безработицы. В работе проанализированы тенденции изменений на рынке труда по основным регионам. Выявлены наиболее пострадавшие территории, а именно страны Северной и Латинской Америк, и страны, адаптировавшиеся к изменениям, в числе которых страны Тихоокеанского региона. Определены группы населения, среди которых наблюдался серьезный рост безработицы: молодежь и неформально занятые. Последние из них оказались с минимальной государственной поддержкой и в жестких условиях ограничений. Авторы проанализировали перспективы восстановления рынка труда с учетом неудачного опыта реформирования после кризиса 2008-2009 годов. Доказано, что восстановление занятости должно стать приоритетной целью выхода из кризиса, так как нестабильные доходы приводят к серьезным ограничениям в сфере потребления, провоцируя падение спроса и замедление темпов роста экономики. В статье проведена оценка ситуация с изменением занятости не только в разрезе изменения доли работающего населения, но и тенденции сокращения рабочего времени. Они свидетельствуют о более серьезном спаде в экономике, чем в период экономического кризиса 2009 года. Обоснована роль

государственного регулирования в восстановлении занятости и снижения уровня безработицы в период после окончания пандемии.

Ключевые слова: Covid-19, рынок труда, кризис, занятость, безработица, молодежная безработица, неформальная занятость

Abstract: The article presents an analysis of the impact of the restrictions imposed due to coronavirus infection on the labor market. The events of 2020-2021 led to significant changes in the global economy, including major changes in the labor market. The imposed restrictions and requirements for distancing the population have led to an increase in unemployment. The work analyzes the trends of changes in the labor market in the main regions. The most affected territories are identified, namely the countries of the North and Latin America, and the countries that have adapted to the changes, including the countries of the Pacific region. The groups of the population, among which there was a serious increase in unemployment, were identified: young people and the informally employed. The latter found themselves with minimal government support and severe restrictions. The authors analyzed the prospects for the recovery of the labor market, taking into account the unsuccessful experience of reforming after the crisis of 2008-2009. It has been proved that the recovery of employment should be a priority goal of overcoming the crisis, since unstable incomes lead to serious restrictions in the sphere of consumption, provoking a drop in demand and a slowdown in economic growth. The article assesses the situation with changes in employment not only in the context of changes in the share of the working population, but also the trend of reducing working hours. They indicate a more serious economic downturn than during the 2009 economic crisis. The role of state regulation in restoring employment and reducing unemployment in the period after the end of the pandemic has been substantiated.

Keywords: Covid-19, labor market, crisis, employment, unemployment, youth unemployment, informal employment

Вспышка COVID-19, возникшая в Китае в конце 2019 года, чрезвычайно

быстро распространилась по большинству стран мира и была объявлена пандемией Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 года. Чтобы замедлить скорость его распространения инфекции, большинство стран ввели жесткие меры, побуждающие людей ограничивать физическое взаимодействие, что привело к запрету публичных мероприятий, закрытию школ, второстепенных предприятий и границ до полной изоляции по всей стране. Эти беспрецедентные меры существенно повлияли на экономику в целом и серьезно ухудшили ситуацию на рынке труда. Оценка и анализ последствия пандемии позволили выявить некоторые тенденции, характерные для разных стран. Во-первых, наблюдается замедление экономического роста, а в большинстве стран и отрицательная динамика ВВП. Во-вторых, наблюдается структурное изменение экономики стран, вызванное сокращением спроса в ряде отраслей и наметившиеся положительные тренды в других. В-третьих, произошли существенные изменения на рынке труда. Тенденции, произошедшие на рынке труда, будут исследованы в данной статье. В основу данной работы легли результаты анализа исследователей различных стран, в том числе данные международных организаций.

Несмотря на то, что пандемия все еще продолжается, в ряде исследований уже предпринималась попытка количественно оценить краткосрочные макроэкономические последствия кризиса COVID-19. Международный валютный фонд оценивает потерю глобального ВВП на 3% в 2020 году по сравнению с 2019 годом и прогнозирует рост на 5,8% в 2021 году по базовому сценарию, оставаясь ниже прогнозов, сделанных до пандемии COVID-19. Авторы подчеркивают, что эти прогнозы остаются очень неопределенными из-за множества трудноизмеримых медицинских, финансовых, экономических и поведенческих параметров. Тем не менее, их прогнозы указывают на то, что больше всего пострадают экономики, основанные на услугах [11]. По данным Международной организации труда доля людей, занятых в сфере услуг составляет 49% в общей занятости, но сильно колеблется от 26% в странах с низким доходом до 75 % в странах с высоким доходом.

Более существенные проблемы, которые потребуют длительного восстановления, были выявлены на рынке труда. Во всех странах мира наблюдается существенный рост безработицы (рис 1.).

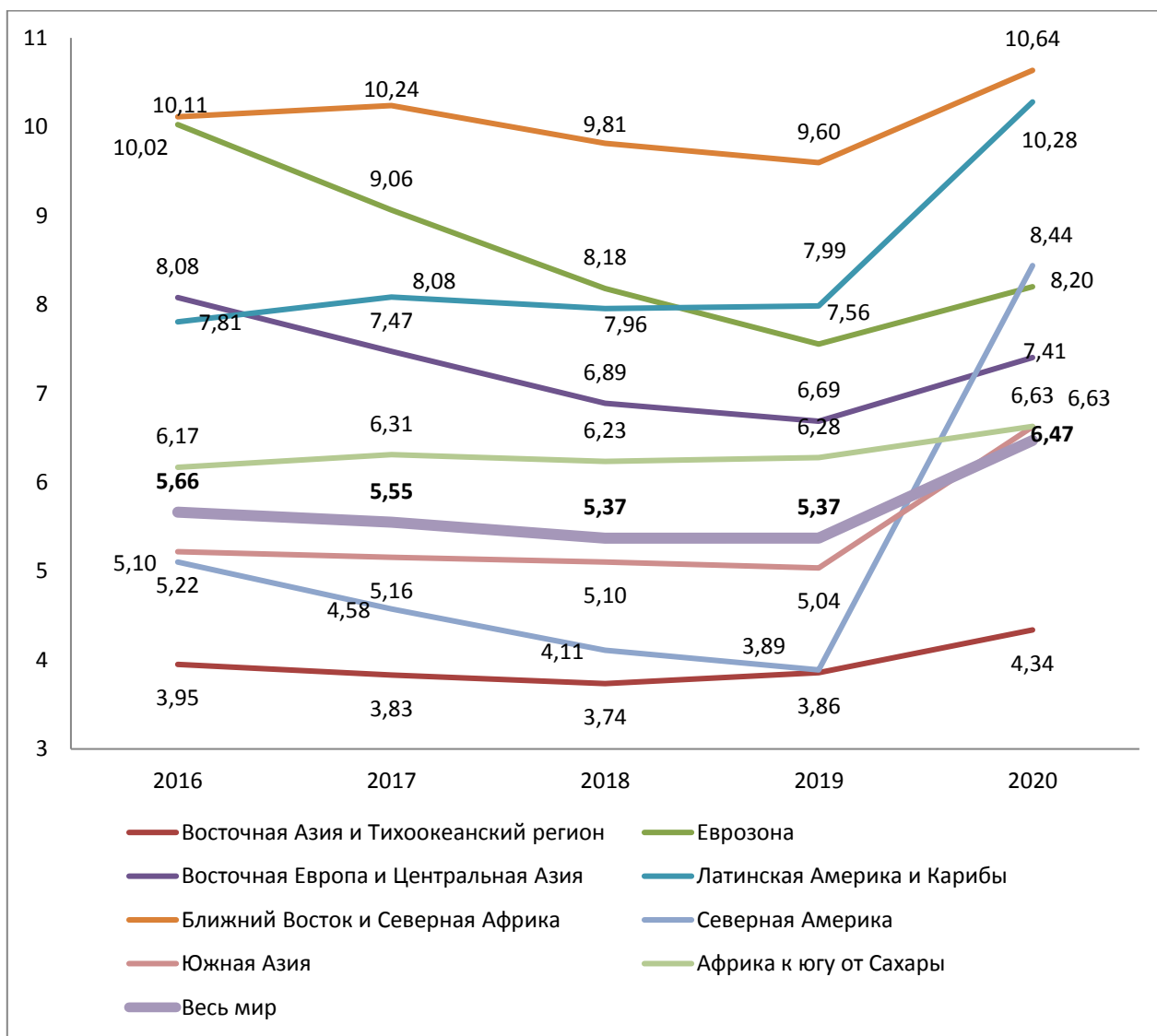

Рисунок 1. Динамика безработицы в регионах мира в период 2016-2020 гг, в %. Составлено автором на основе Данных Всемирного банка

<https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=SL.UEM.TOTL.ZS&country=#>

Наиболее существенно пандемия повлияла на рост безработицы в странах Северной Америки, в которых доля безработного населения выросла более чем в 2 раза с 3,89 % в 2019 году до 8,44 в 2020 году. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна уровень безработицы вырос на 3,29 %, в то время как в странах Тихоокеанского региона рост составил меньше 0,5%. Наибольший уровень безработицы в настоящее время наблюдается в странах Ближнего

Востока и Северной Африки, рост в которых в период пандемии COVID-19 составил 1%. Относительно благополучная ситуация сложилась в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона, где рост безработицы был незначительный. Здесь драйвером выступила экономика Китая, пострадавшая от пандемии в меньшей степени по сравнению с остальным миром.

Рост уровня безработицы в период пандемии наблюдался и в России, однако он в целом ниже среднемировых значений (рис.2).

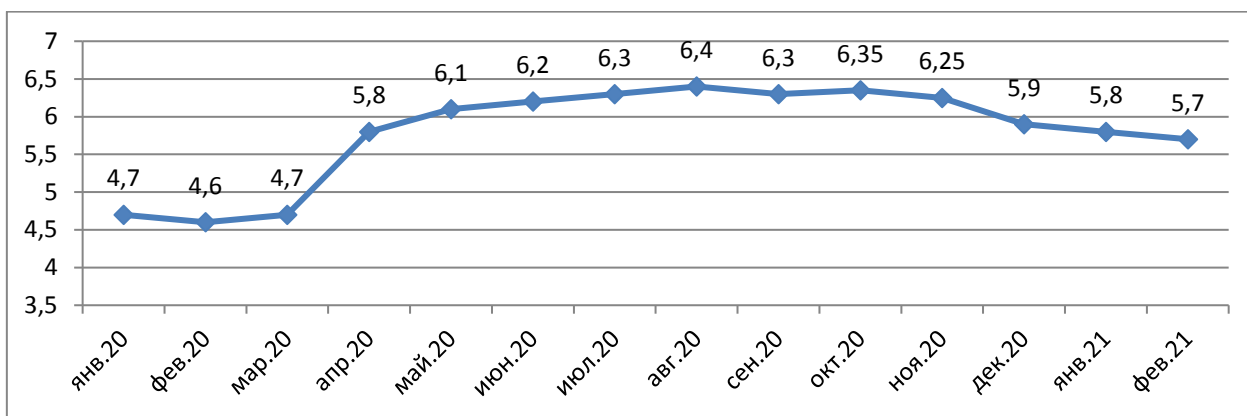

Рисунок 2. Динамика безработицы в РФ в период с января 2020 по февраль 2021. Составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/57.htm

После резкого роста в марте-апреле месяце, вызванного введением режима самоизоляции, темпы роста безработицы стабилизировались и достигли максимального значения в августе 2020 года на уровне 6,4%. Официально зарегистрированных безработных в этот период было 3,6 млн, в том числе 3,4 млн человек получали пособие по безработице. Общая численность безработных в августе по сравнению с июлем 2020 года выросла на 77 тыс. человек, или на 1,6%; по сравнению с августом 2019-го — на 47,6%.

В настоящее время глобальная рабочая сила составляет около 3,3 миллиарда человек, из которых около 2 миллиардов работников (или 62 процента) заняты в неформальной экономике. Особенно уязвимы женщины и трудящиеся-мигранты. По оценкам, из этих 2 миллиардов почти 1,6 миллиарда серьезно пострадают от кризиса из-за мер изоляции или из-за работы в секторах

с высоким уровнем риска.

Влияние на доходы и бедность неформальных работников огромно. По оценкам специалистов доходы неформальных работников снизились в первый месяц кризиса на 60% во всем мире. В Африке и Америке это падение составляет даже более 80 процентов. По оценкам Международной организации труда, в глобальном масштабе пандемия COVID-19 повысит уровень относительной бедности среди неформальных работников с 26 до 59 процентов. А в некоторых регионах будет намного больше - 80 процентов и более [9].

Эти огромные эффекты доходов во многом связаны с природой пандемии. Хорошо известно, что неформальная занятость рассматривается как «крайняя мера» для выживания, но этот вариант часто перестает быть жизнеспособным из-за мер изоляции, ограничивающих передвижение и экономическую деятельность. Это привело к тому, что риски доходов неформальных работников во время этой пандемии намного выше, чем во время предыдущих глобальных кризисов сопоставимого масштаба [7].

Полагаем, что аналогичный кризис на рынке труда наблюдался в период Великой рецессии 2008–2009 гг. Следует отметить, что опыт реформирования в тот период был относительно неудачным. Основная политическая реакция в то время в значительной степени характеризовалась мерами «постепенного восстановления», которые привели к медленному восстановлению экономики и большей социальной и политической неопределенности.

Восстановление занятости и трудовых доходов было еще более медленным и болезненным, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему замедлению экономического подъема и снижению роста производительности. Потребовалось более десяти лет, чтобы глобальная безработица вернулась к докризисному уровню, в то время как безработица среди молодежи так и не смогла полностью выйти из кризиса (рис.3).

Рисунок 3. Динамика уровня безработицы после кризиса 2008-2009 года в мире.

Для России проблема молодежной занятости особенно актуальна, так как по данным на 2018 год доля безработной молодежи в России составляет 38 % [2]. Следует отличать понятия неформальной и недекларируемой занятости. В России нерегистрируемая составляющая неформальной занятости в основном представлена молодыми людьми в возрасте от 18 до 27 лет. Что касается недекларируемой занятости, то здесь преобладает возрастная группа от 30 до 45 лет, которые работают сверхурочно [6]. Думается, что проблема молодежной занятости в период после пандемии в России сохранится. Молодежь легче и быстрее приспосабливается к изменившимся условиям, в том числе дистанционным технологиям. Однако, молодежь составляет основную долю занятых в индустрии размещения и общественного питания, которые в большей мере по сравнению с другими отраслями пострадали от ограничений. Кроме того, доля неформально занятых среди молодежи самая большая. По оценкам исследователей за последние 15-20 лет доля молодежи, участвующей в неформальной занятости, в возрасте с 15 до 19 лет выросла примерно с 25 до 50% [3].

Важной особенностью посткризисной экономики становится уменьшение

взаимосвязи между занятостью и темпом роста экономики. В 10-х годах точно так же, хотя производительность труда продолжала расти, заработная плата и трудовые доходы отставали. В результате неравенство остается высоким, а в некоторых случаях даже растет. Вот почему эта реакция на кризис широко понималась как провал «экономики медленного восстановления». Подобные ошибки не должны повторяться в условиях нынешнего кризиса занятости.

Ряд авторов изучали рынок труда с целью оценки потребления домашних хозяйств и формирования бедности. В частности А. Мартин и соавторы [10] применили модель благополучия домашних хозяйств, которая была разработана для оценки воздействия стихийных бедствий, землетрясения, и применительно к зоне залива в Калифорнии. Кроме того, модель домашних хозяйств также применялась для оценки устойчивости домашних хозяйств к стихийным бедствиям на Фиджи, Филиппинах и Шри-Ланке. В то время как стихийные бедствия преимущественно влияют на основной капитал (например, здания, инфраструктуру) экономики, здесь экономическое воздействие COVID-19 представлено как шок дохода, основанный на распределении потерь дохода по отраслям во время заранее определенного кризисного периода, соответствующий порядку укрытия на месте.

В их исследовании было предположено, что домашние хозяйства будут исчерпывать свои сбережения, чтобы сгладить потребление с течением времени, чтобы максимизировать свое благосостояние. Они не используют все свои ликвидные активы, потому что другой шок может повлиять на них в период или после кризиса COVID-19, так что полезность, полученная от оставшихся сбережений, имеет возрастающую ценность, поскольку они используются в текущем шоке. Одним из важных упрощений здесь является то, что предполагается, что люди заранее знают продолжительность фазы сдерживания. На самом деле, одна из проблем домашних хозяйств - решить, как управлять своими сбережениями в условиях крайне неопределенного кризиса, как по продолжительности, так и по размеру. Предположение, что продолжительность известна, означает, что результаты анализа консервативны

и недооценивают последствия сдерживания для благосостояния и бедности.

Предполагается, что потеря дохода для пострадавших лиц начинается в начале кризиса и длится на протяжении всего кризиса. В начале фазы восстановления пострадавшие люди восстанавливают полную занятость, и предполагается, что предельная норма сбережений составляет 10% от потребления. Это консервативная оценка, так как многим сотрудникам, уволенным во время кризиса, будет сложно вернуться в экономику из-за значительных макроэкономических эффектов коронавируса и возможной рецессии. Кроме того, меры социального дистанцирования будут постепенно смягчаться, а некоторые виды услуг, такие как общественное питание, бары и исполнительское искусство, будут полноценно работать только в отдаленном будущем. Кроме того, потребление домохозяйств во время кризиса предполагается постоянным, когда домохозяйства распределяют доход, государственную и федеральную помощь и сбережения для восполнения потребления. На самом деле кризис может с самого начала усугубить истощение сбережений из-за задержки в помощи. Поэтому стимулирование экономического роста посредством социальной поддержки не обеспечивает стабилизации экономики, так как приводит к излишним сбережениям вследствие неустойчивого положения граждан.

Международная организация труда провела всестороннее исследование занятости и безработицы по странам в разрезе не только закрытия рабочих мест, но и с учетом анализа потери рабочего времени. Следует отметить, что до 93% процентов населения, в том числе работников были затронуты пандемией, так как проживали на территориях, где вводились существенные ограничения. Однако, наибольшее ограничения были введены в Европейских странах и Центральной Азии. До 20% работников в мировом масштабе проживало в странах, где происходило практически полное закрытие экономики. В Азиатском регионе до 90% работников коснулись те или иные вводимые ограничения. В то время как в Африканских странах оно затронула лишь 20% работников, а в Арабских – чуть более 50%.

Международная организация труда оценила потери рабочего в 2020 году в размере 9% по сравнению с занятостью в последнем квартале 2019 года [8].

В последние годы до начала пандемии, вызванной короновирусной инфекцией, наблюдалась устойчивая тенденция сокращения рабочего времени с 28 до 27 часов в неделю. В 2020 году средняя продолжительность рабочей недели сократилась на 2,5 часа до 24,7 часа. Для сравнения кризиса 2008-2009 гг. вызвал сокращение лишь на 0,6 часа. То есть негативные последствия для рынка труда в период пандемии были значительно больше кризиса в четыре раза. Соответственно, доход от трудовой деятельности, который формирует ВВП также снизился. При этом последствия от падения доходов достаточно существенны, так как вызывают снижение не только потребления, но и сбережения, а значит и инвестиционного спроса. МОТ оценила потери от сокращения рабочего времени на уровне 4,4 % мирового ВВП [1].

Данная тенденция сохранилась и в 2021 году, несмотря на распространение вакцинации, и снижении уровня ограничений, и продолжится в 2022 году из-за введенных санкций в отношении России.

Сокращение циклической безработицы в соответствии с законом Оукена должно обеспечить быстрое восстановление экономики и привести к росту ВВП. В работах [4; 5] авторами был проведен эконометрический анализ влияния банковского сектора, инвестиций и безработицы на величину ВВП в период с 2000 по 2017 г. По итогам работы было получено интеграционное уравнение, продемонстрировавшее, что прирост безработицы на 1 процентный пункт ведет к снижению реального ВВП на 350,71 млрд рублей, что составляет ~2,5% от данного показателя.

Полученный исследователями вывод позволяет оценить перспективы восстановления экономики в случае возвращения уровня безработицы к значениям докризисного периода. По предварительным прогнозам Росстата ВВП за 2020 год в абсолютном выражении составила 106 967,5 млрд руб., индекс физического объема ВВП относительно 2019 года – 97,0%. По итогам 2020 года среднее значение безработицы в стране наблюдалась на уровне 5,8 %.

В 2019 году аналогичный показатель составлял 4,6%. Соответственно, снижение уровня безработицы до 5% позволит обеспечить рост ВВП в 2021 году на 2%, и к середине 2022 года обеспечит восстановление ВВП до значений докризисного периода.

Таким образом, проведен анализ влияния пандемии Covid-19 на рост безработицы в различных регионах. Определены территории, успешно справившиеся с последствиями, в том числе страны Тихоокеанского региона и страны, в которых влияние пандемии продолжается. Выявлены группы занятых, на которых последствия распространения инфекции оказали наибольшее влияние: молодежь и неформально занятые. Выполнена оценка изменения длительности рабочего времени в период распространения заболевания. Обосновано, что в период экономического спада задача поддержания уровня жизни населения и его социальная защита должна оставаться приоритетной. А в посткризисный период ключевыми задачами становятся стабилизация рынка труда и обеспечение занятости населения.

Библиографический список:

1. Вестник МОТ: COVID-19 и сфера труда. Шестой выпуск Обновленные оценки и анализ Электронный доступ: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf (дата обращения: 24.01.2022).
2. Корчагина И.А. Занятость молодежи: российские и зарубежные тенденции // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11. – № 5. – С. 42.
3. Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р. Неформальная занятость в России: новые тенденции развития в XXI веке // JER. – 2019. – №3. Электронный доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnaya-zanyatost-v-rossii-novye-tendentsii-razvitiya-v-xxi-veke> (дата обращения: 26.02.2022).
4. Солодкая Т. И., Тали М. М. Т., Индустриев М. А. Анализ влияния банковского сектора на экономический рост Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление.

Право. – 2018. – Т. 18, – вып. 2. – С. 148–154.

5. Солодка Т.И., Индустриев М.А. Межстрановые сопоставления безработицы и экономического роста в условиях пандемии COVID-19 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. №1. Электронный доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhstranovye-sopostavleniya-bezrabortitsy-i-ekonomicheskogo-rosta-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (дата обращения: 03.01.2022).

6. Шпилина Т.М., Дятлова О.В. Молодежная неформальная занятость как современная проблема российского рынка труда // УЭКС. – 2015. – №5 (77). Электронный доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-neformalnaya-zanyatost-kak-sovremennaya-problema-rossiyskogo-rynka-truda> (дата обращения: 24.01.2022).

7. Korobkova N.A., Patturi Ya.V. Self-employed taxation: Russian realities and prospects. – The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2019. – С. 203-210 (дата обращения: 05.01.2022).

8. Lee, S., Schmidt-Klau, D. & Verick, S. The Labour Market Impacts of the COVID-19: A Global Perspective // Ind. J. Labour Econ. 6 3(2020), pp. 11–15 Электронный доступ: <https://doi.org/10.1007/s41027-020-00249-y> 19 (дата обращения: 04.03.2022).

9. Lee, S., Schmidt-Klau, D. & Verick, S. The Labour Market Impacts of the COVID-19: A Global Perspective // Ind. J. Labour Econ. 6 3(2020), pp. 11–15 Электронный доступ: <https://doi.org/10.1007/s41027-020-00249-y> 19 (дата обращения: 06.02.2022).

10. Martin, A., Markhvida, M., Hallegatte, S. et al. Socio-Economic Impacts of COVID-19 on Household Consumption and Poverty. EconDisCliCha 4 (2020), pp.453–479. Электронный доступ: <https://doi.org/10.1007/s41885-020-00070-3> 19 (дата обращения: 06.02.2022).

11. Vidya C.T., Prabheesh K.P. Implications of COVID-19 pandemic on the global trade networks // Emerg. Mark. Finance Trade, 56 (10) (2020), pp. 2408-2421,

Электронный доступ <https://doi.org/10.1080/1540496X.2020.1785426> 19 (дата обращения: 03.03.2022).